

Алина Дарьина

Фиолетовые облака Алматы

Алина Дарьина

Фиолетовые облака Алматы

<https://litres.ru/74049811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Короткие рассказы о женщинах, их жизни, их любви и семьях. Они все разные, из разных городов, из разных поколений, но всех их объединяет одно — желание быть любимыми и счастливыми. И пусть у них все будет хорошо!

Содержание

Фиолетовые облака Алматы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алина Дарьина

Фиолетовые облака Алматы

Фиолетовые облака Алматы

Глава 1

«Золотой квадрат» Алматы — это не просто винтажный географический центр города, ограниченный улицами советского лоска и старыми проспектами, а осязаемая память о целой эпохе. Здесь воздух кажется гуще от тени вековых дубов и цветущих каштанов, а архитектура сталинского ампира с её высокими потолками, лепниной и уютными двориками хранит достоинство прежней интеллигенции и партийных деятелей. В этих кварталах за тяжелыми дубовыми дверями «профессорских» домов до сих пор живут истории выдающихся ученых, артистов и политиков, а тихий шелест листвы на Тулебаева или Панфилова вступает в резонанс с шумом современных кофеен и баров. Это место, где время замедляется, заставляя и прохожих чуть сбавить темп, и где каждый фасад — от охристого камня до кованых решеток балконов — пропитан духом той самой старой Алма-Аты, которую невозможно забыть или перестроить.

Одна из квартир в кирпичном толстостенном доме этого престижного района в это утро напоминала поле боя, замаскированное под антикварную лавку. Воздух застыл, пропитанный запахом травяного чая чая и свежесваренного кофе. Эльвира Андреевна сидела за столом, идеально ровно держа спину — привычка сорока лет педагогики не исчезала даже в домашнем халате, застегнутом на все пуговицы. Перед ней лежала салфетка, на салфетке — тарелка с овсянкой, сваренной ровно три минуты назад. Рядом маслѐнка, нарезанный багет, чашка с чаем и одна зефирка. Все по линейке, как на параде завтраков.

На другом конце стола расположилась внучка Регина. Сонная, с туманным взором, в растянутой футболке и с пучком густых тяжелых волос, из которого торчал карандаш, девушка пыталась втиснуть свой альбом с эскизами рядом с кружкой кофе и тарелкой с сырными бутербродами. Она готовила серию сувенирных открыток с акварельными видами старой Алматы, и это занятие сейчас занимало весь ее ум и все ее время. Кажется, что она до сих пор не ложилась спать, но с бабушкиным утренним приглашением, а точнее приказом к завтраку спорить было бесполезно.

— Регина, — голос бабушки был тихим, но в нем отчетливо слышался лязг металла. — Кухня — это место для приема пищи. Это не студия, подземный переход и не привокзальный буфет.

— Ба, это новые наброски, — Регина прикусила губу, пе-

релистывая листы, словно впервые видела нарисованные на них линии. — Глянь, это старый дом на Кунаева, его на днях сносить начнут. Я должна успеть дорисовать серию, пока там всё забором не закрыли.

Эльвира Андреевна медленно отодвинула тарелку. Каша осталась нетронутой.

— «Глянь»? Мы в гимназии учили, что есть слово «посмотри». И этот твой дом... — она брезгливо кивнула на рисунок, где акварельные подтеки изображали облупившуюся штукатурку. — Зачем фиксировать убожество? В Алматы строят прекрасные современные и ухоженные здания, стекло, бетон, лепнина, триумфальные арки. А ты рисуешь руины. Это депрессивно.

— Это история! — Регина вспыхнула, и капля кофе из её стакана предательски приземлилась прямо на крахмальную скатерть. — Ты не понимаешь, в этих руинах жизни больше, чем во всех новых человејниках. В них душа города. А ты хочешь, чтобы всё было как в твоём учебнике — ровно, заглавными буквами и по линейке!

Эльвира Андреевна посмотрела на коричневое пятно на скатерти так, словно это была двойка в четверти у отличника.

— По линейке, Регина, строятся не только дома, но и судьбы. Я всю жизнь старалась, чтобы у нашей семьи были достойные, чистые фасады. Чтобы никто не мог ткнуть пальцем в наш неблагоприятный поступок, как в разбитое окно.

А ты... ты как будто специально ищешь грязь. Эти твои открытки... Кому они нужны? Туристам? Они купят магнит с Медеу и уедут. А ты останешься здесь, с немойтой головой и без копейки в кармане, потому что свободный художник — это синоним безработного.

— Да при чем тут деньги?! — Регина вскочила, сгребая альбом со стола. Корешком задела сахарницу, и белый песок тонкой струйкой посыпался на пол. — Ты просто боишься всего, что не можешь контролировать. Ты даже чай пьешь по секундомеру! Бабушка, я же свободный человек в свободной стране, я хочу заниматься своими делами. Я хочу рисовать старые дома нашего города, а деньги не главное!

Эльвира Андреевна поджала губы. Её рука, лежащая на столе, едва заметно дрогнула, но она тут же сжала её в кулак.

— Я делала то, что было нужно. Тебе не понять этого слова. У тебя в голове — одни открытки и туманы над Коктобе. А деньги да, не главное, потому что они у нас есть и у тебя не болит голова, чем завтра кормить детей.

— Так и у тебя не болит! Ты всю жизнь прожила в «золотом квадрате»! Ты, наверное, даже никогда и не бывала на окраинах. А там — настоящая, не вылизанная жизнь!

— Я не желаю вступать с тобой в эту примитивную полемику. Иди. Займись делом, наведи порядок в своей комнате. И убери за собой этот... мусор.

Регина вылетела из кухни, хлопнув тяжелой дверью так, что в серванте жалобно звякнул чешский хрусталь. Эльви-

ра Андреевна осталась сидеть в тишине. Она смотрела на рассыпанный сахар, под столом лежал выпавший из альбома клочок бумаги с наброском: дощатый покосившийся сарай на фоне умытых гор. На мгновение её взгляд стал странным — не строгим, а испуганным, словно в этих небрежных линиях внучки она увидела призрак, который успешно прятала на антресолях памяти последние сорок лет.

Глава 2.

Регине был двадцать один год — возраст, когда кажется, что весь мир должен уместиться в один скетчбук, если правильно подобрать мягкость карандаша. Она только что получила диплом худграфа, который подтверждал ее академическое высшее образование, и душа девушки рвалась прыгнуть в бурлящую реку искусства, чтобы найти в ней свою личную заводь. Пока её однокурсники штурмовали рекламные агентства или рисовали интерфейсы для мобильных игр, Регина пропадала в городе. В любимом, живом городе. Она искала свой путь, но этот путь постоянно петлял по улицам Алматы. Родители уже год жили в Астане — папу перевели туда по контракту, и они звали дочь с собой. Но Регина не могла дышать в стерильном, продуваемом ветрами левобережье столицы. Ей нужен был этот воздух, пахнувший цветущими деревьями, смогом, шашлычным дымом и горными реками, выхлопными газами, скошенной травой, ветром со склонов.

Переезд к Эльвире Андреевне в её квартиру-крепость в

«золотом квадрате» был вынужденной мерой. Месяц назад у бабушки случился сердечный приступ — не сильный, но достаточный, чтобы мама в панике начала звонить из Астаны по 20 раз в день и матери, и дочери. Она даже вырвалась на выходные, провела их у бабушки в кардиоцентре, то до отпуска было еще шесть месяцев.

— Регина, поживи у неё до моего приезда. Она не признается, но ей страшно одной, — просила мама. — Да и нам всем будет спокойнее, что она пока будет под присмотром. А я приеду и там уже решим, что будем делать. Бабушка, конечно, человек строгий, но кроме тебя в Алматы никого из близких не осталось.

И вот теперь Регина жила в этом музее советского педагогического триумфа, иногда забегая в их семейную большую квартиру в верхней части Алматы, чтоб запустить робота-пылесоса и проветрить дом. Её комната в геометрии бабушкиной квартиры была единственным неправильным местом. Здесь на подоконнике сохли кисти, а на прислоненных к стенам магнитным доскам были приклеены эскизы серии открыток. Регина задумала нечто амбициозное. Она хотела запечатлеть Алматы, который ускользал сквозь пальцы, как песок. Пока это были открытки, но если работ будет слишком много, то уже можно будет подумать и о выставке. Пока же Регина собирала материал. Она очень хотела ухватить за краешек красоты уходящих в историю кварталов. В её планах были улица Тулебаева, знаменитая Туле-

байка — с её ленивым спокойствием, старыми скамейками и тенями деревьев, которые помнят как Виктор Цой снимался здесь в фильме «Игла». Регине хотелось запечатлеть Малую Станицу — штучное деревянное кружево наличников и дух дореволюционного Верного, затерянный среди автосервисов и заборов. Регина любила и рощу Баума — готическую и мрачную в сумерках, где свет пробивается сквозь вековые ветви, создавая узоры, достойные иллюстраций к сказкам. И милейший Компот — этот странный, уютный район с его исчезающей малоэтажной застройкой и крутыми улочками, когда-то носившими безхитростные названия «Вишневая», «Яблочная», «Грушевая», что и породило народное название райончика. Регина дружила со многими молодыми художниками Алматы, иногда участвовала в выставках современного искусства. Но там все гнались за концептуализмом, за сложными метафорами и перформансами. Регина же чувствовала себя белой вороной. Ей просто хотелось рисовать память горда, не вкладывая никаких двойных смыслов в свои работы.

«Ты ищешь то, чего нет», — сказал ей как-то куратор одной из выставок. Но сидя на подоконнике и глядя на верхушки гор, Регина понимала: она ищет не то, чего нет, а то, что скоро исчезнет. После утренней ссоры на кухне рисовать не получалось. Рука дрожала, а в голове всё еще звенел холодный голос бабушки. Регина встала из-за стола и огляделась. В комнате был беспорядок, и она решила прибраться, чтобы

хоть как-то унять злость.

— Нужно больше места, — пробормотала она, поглядывая на старый платяной шкаф, на котором громоздились небоскребы из старых коробок. — Бабушка говорит, что я мусору, а сама хранит хлам десятилетиями.

Она притащила стул, встала на цыпочки и дотянулась до верхушки коробочной пирамиды. Аккуратно начала снимать картонки вниз, чтоб не растрясти пыль. «И этим я дышу» — думала Регина, аккуратно стирая мокрой тряпкой пыль. Внутри коробок лежали старые туфли, шляпки, винтажные кружева, театральные бинокли. «И эта женщина говорит мне что-то про ненормальную любовь к уходящей эпохе. А сама хранит в коробках середину двадцатого века. Похорошему это надо бы все разобрать. Что-то можно и сейчас использовать, вот эти брошки, например. А ненужное продать через антикварные лавки. Но вряд ли бабушка на это согласится» — бухтела про себя девушка, наводя порядок. Она снова залезла на стул и начала протирать поверхность шкафа, чтоб вернуть картонные этажи на их законное место. Но в самом конце, у стены ее рука наткнулась на еще одну коробку. Это была большая прямоугольная жестянка из-под импортного печенья, в таких обычно хранят пуговицы. Влажная тряпка открыла под слоем пыли пасторальный пейзаж с овечками и пастушками, тонко выписанными на железной крышке. Готический шрифт немецким языком сообщал, что когда-то тут хранили имбирные пряники.

— Посмотрим, что ты прячешь в этой красоте, Эльвира Андреевна, — прошептала Регина, аккуратно снимая крышку. Она еще не знала, что в этой жестянке, среди запаха старой бумаги и сухой лаванды, спрятана история, которая перевернет ее представление о собственной семье.

Глава 3.

Если бы дисциплину можно было перелить в человеческую форму, ею стала бы Эльвира Андреевна. Её детство прошло в просторных квартирах с высокими потолками, где на огромных окнах висели тяжелые бархатные портьеры, в кабинете отца стены украшали портреты вождей, а в книжных шкафах стояли папки в коленкорových переплетах. Отец, фронтовик, коммунист и партийный работник старой закалки, не признавал слабостей. В их доме не было места капризам или неопределенности. «Жизнь — это не прогулка по парку, Эльвира, это график выполнения плана», — говорил он, постукивая карандашом по столу. И Эльвира выполнила этот план безукоризненно. Её биография напоминала ровные строчки в ведомости: золотая медаль, педагогический институт, красный диплом. После института сразу первая работа. Школа, где она прошла путь от учителя до завуча по учебной части, которого боялись все хулиганы, а затем и кресло директора одной из первых частных гимназий в стране. В 22 обязательное замужество. Её муж, Виктор, был человеком удивительной доброты и мягкости. Он прошел путь от студента до ведущего инженера на машиностро-

ительном заводе имени Кирова, любил в выходной день прогуляться по горам и никогда не спорил с женой. В Алма-Ате их считали идеальной парой: строгая, величественная Эльвира и тихий, улыбочивый Виктор, который всегда нес её тяжелую сумку с тетрадами. Он был прекрасным человеком, безумно любившим жену и позволившей ей стать главной не только на работе, но и дома. Таких называют подкаблучниками, но Виктор был абсолютно счастлив в этой роли. Рождение дочери, её воспитание — всё шло по лекалам, утвержденным еще в отцовском кабинете. Эльвира верила: если репутация чиста, а в дневнике пятерки, то и жизнь удалась. Виктор был хорошим отцом, но еще более хорошим дедом: в нем было столько любви и нежности, что их хватило бы еще на пять жизней. И именно с дедушкой маленькая Регина обследовала и парки, и речки, и озера, и горы, и все окрестности Алматы. Именно дед Витя заложил в ее сердечко любовь к Родине.

Пять лет назад Виктора не стало. Он ушел тихо, как и жил, оставив после себя пустоту, которую не под силу было заполнить никаким графиком. Оказалось, что без его мягкого «Эличка, солнышко», железная броня Эльвиры стала тянуть её к земле. Она не умела горевать на людях, но ночами плакала в своей ставшей такой пустой и огромной квартире. Бродила по комнатам и вспоминала, как они с мужем и дочерью въехали сюда: помогли связи отца и трудовые перспективы мужа. Каждая вещь связана с Виктором: его люби-

мое кресло, его торшер, который он как-то купил в комиссионке, его любимая кружка — подарок маленькой Регины. Балкон, на котором он курил, пепельница все еще стояла на столике, ванная, где все еще висело его большое темно-синее полотенце. Скорбь требовала выхода, действия и Эльвира сосредоточилась на том, что поддавалось контролю лучше, чем люди — на комнатных растениях. Теперь её квартира напоминала ботанический сад. Огромные монстры тянули резные листья к потолку, фиалки на подоконниках стояли ровными рядами, как первоклашки на линейке. Эльвира Андреевна знала график полива каждого ростка до секунды. Она разговаривала с ними — не ласково, а требовательно, проверяя влажность почвы тонкими пальцем. Растения слушались. Они были предсказуемы.

Глава 4

В то утро, когда Регина хлопнула дверь, Эльвира Андреевна долго стояла у окна, рассматривая свою любимую герань. Она чувствовала, как внутри всё сжимается от раздражения. Эта внучка — хаос в чистом виде. Акварель, разбросанные вещи, разговоры о душе города. С дочкой таких проблем не было, та росла и жила согласно графику, заложенным еще ее дедом. Повторяла рисунок матери: медаль, институт, муж, дочь. Работа, карьера, квартира. Разве что замуж вышла чуть позже и дочь родила почти в тридцать. Эльвира подошла к зеркалу в прихожей и поправила воротничок халата. На мгновение ей показалось, что из глубины зеркала

на неё смотрит не строгий завуч, а та молодая девушка из конца 60-х, которая когда-то — всего один раз в жизни — решилась нарушить план отца. Она резко отвернулась.

— Глупости, — пробормотала Эльвира. — Нужно полить фикусы.

Она направилась в сторону комнат, не подозревая, что в этот самый момент Регина, стоя на стуле в выделенной ей комнате, уже держит в руках ту самую жестянку, где похоронен единственный сбой в её идеальном графике жизни. Сильными пальцами с короткими ногтями Регина подцепила плотную крышку. Жестянка поддалась с сухим, протестующим скрежетом. Внутри не было старых квитанций, пуговиц, просроченных лекарств или порванных бус. Сверху лежали пожелтевшие газетные вырезки, много, целая стопка. Регина развернула одну из них. «Вечерняя Алма-Ата», выпуск конца шестидесятых. Заголовок бил наотмашь: «Чуждый элемент на улицах нашего города». В заметке едко высмеивали «городского сумасшедшего», который расхаживал по Фурманова в самодельном берете с перьями и расшитом кафтане, рисуя непонятные советскому человеку абракадабры.

— Подожди... — Регина нахмурилась, вчитываясь в мелкий шрифт. — Это же...

Она вытащила другую вырезку, потом еще одну. Перед ней разворачивалась хроника травли одного человека. Статьи о декадентстве, протоколы об исключении из художе-

ственных сообществ, обличение в деградации и ущербности его искусства, общественные порицания и, наконец, короткая заметка о госпитализации в психоневрологический диспансер «для коррекции социального поведения». Имя художника в текстах словно было подчеркнуто тонкой красной линией. Сергей Киргизов. Регина замерла. Она знала это имя! Любой, кто хоть раз заходил в алмаатинский художественный музей имени Кастеева, не мог пройти мимо его зала. Киргизова называют одним из первых советских сюрреалистов и продолжателем школы авангарда, но на самом деле его стиль и манеру живописи трудно загнать в одни рамки. Человек, который видел Алма-Ату как фантастический космос, населенный причудливыми существами, и который запечатлел город в ярких, вибрирующих мазках. Сегодня его работы — это национальное достояние, их продают на мировых аукционах за миллионы, а коллекционеры ведут за ними настоящую охоту. Регина не раз ходила в музей смотреть на его картины, все пыталась понять, как Киргизов умудрялся видеть в обычных улицах такие необычные сочетания форм и цветов, пыталась разгадать его талант. И теперь она держит в руках старые газеты, где гениального художника планомерно уничтожали.

Зачем бабушка хранила вырезки о нем? Регина не припоминала у нее тяги к искусству, тем более к современному. Регина зарылась глубже в коробку и нашла то, что заставило её затаить дыхание. Между газетными вырезками лежали

небольшие наброски на случайных клочках бумаги, на оборотах театральных афиш. Тот же дерзкий, ни на что не похожий стиль. Но на этих рисунках была изображена молодая женщина. В строгом профиле, в гордо поднятом подбородке и тяжелом узле волос на затылке Регина с ужасом и восторгом узнала свою бабушку.

— Этого не может быть, — прошептала она.

На полях одного из набросков, сделанном на театральной программке, размашистым почерком было выведено: «Элька, ты — единственная вертикаль в этом расплавленном городе. Прошу, не позволяй превратить тебя в бетон». Регина держала в руках записку самого Киргизова и это не укладывалась у нее в голове. В коридоре послышались размеренные шаги. Эльвира Андреевна шла поливать диффенбахию. Регина судорожно попыталась прикрыть коробку, но листы рассыпались по полу. Дверь спальни приоткрылась.

— Регина, я просила подготовить список продуктов на... — голос бабушки оборвался.

Она стояла в дверном проеме, и её взгляд упал на желтую бумагу, лежащую у ног внучки. В одно мгновение лицо железного завуча стало серым, как алматинский смог в безветренный день.

Глава 5

Регина вскочила, едва не опрокинув стул. Лицо Эльвиры Андреевны стало пугающе восковым, а рука, потянувшаяся к дверному косяку, мелко дрожала.

— Ба! Бабуля, сядь, пожалуйста! — Регина подхватила её под локоть, чувствуя, какая она на самом деле хрупкая под этим строгим халатом. — Сейчас, я воды принесу. Нитроглицерин где? В сумке?

Она заметалась по квартире, принесла стакан, заставила выпить таблетку. Усадила бабушку в глубокое кресло, а сама опустилась рядом, прямо на ворсистый ковер, прижавшись лбом к её колену. Тишина в комнате стала густой, как масляная краска. Эльвира Андреевна долго смотрела в пустоту, тяжело дыша. Потом её взгляд опустился на рассыпанные по полу вырезки. Она медленно протянула руку.

— Дай мне... эту коробку, — голос был сухим, надтреснутым.

Регина послушно собрала листы и подала жестянку. Бабушка начала перебирать их. Её пальцы задерживались на каждом клочке бумаги, на каждой газетной строчке, где была фамилия «Киргизов». И вдруг по морщинистой щеке, обходя строгую складку у губ, скатилась слеза. За ней — вторая. Железный завуч плакал беззвучно, и это было страшнее любого крика.

— Папа всегда говорил, что человек — это его репутация, — начала она тихо, не глядя на внуку. — А Сергей... он был как вспышка. Мы познакомились у оперного театра. Мне было 17, я только поступила в институт, такая серьезная первокурсница. Однажды я шла домой. Была ранняя весна, солнышко теплое, зелень только-только начала появляться.

Сергей стоял на тротуаре с этюдником, в своей очередной нелепой шляпе, в штанах, сшитых из старых занавесок, и рисовал небо. А небо в тот день у него было фиолетовым с зеленым. Я подошла сказать, что таких облаков не бывает, а он ответил: «Для вас — нет, а для вечности — только такие».

Она прикрыла глаза, и Регина увидела перед собой не старуху, а молодую отличницу с тугой косой, замороженную безумным цветом.

— Он работал в театре оперы и балета, — продолжала Эльвира Андреевна. — Рисовал декорации, создавал целые миры из картона, марли и клея. Я рассказала папе про Сергея, но папа про него был уже наслышан. Сергей же был своего рода знаменитость: таких людей тогда было по пальцам пересчитать. И папе он казался недоразумением. «Шут», «юродивый», «ненормальный». Но мне он казался сказочным принцем! Необычный, нездешний, очень интересный. Однажды отец вызывал меня в кабинет и разложил мою жизнь, как шахматную партию. «Эля, ты — дочь серьезного человека. Твой муж должен быть опорой, а не тем, над кем смеется весь город. Забудь, выкини из головы. Он или сопьется или разобьет тебе сердце. Да и не пара нам этот уличный клоун».

Она шмыгнула носом, осторожно держа в руке набросок на театральной программке.

— И я... я начала смотреть на него отцовскими глазами. Стала замечать, что у него вечно краска под ногтями. Что он

говорит загадками вместо того, чтобы нормально сказать. Он мне стал казаться слишком сложным. Я испугалась, Региша. Испугалась, что меня тоже сочтут сумасшедшей. Я пришла к нему в мастерскую и сказала... сказала, что он мне не нужен. Что он — птица не моего полета. Что мне нужна стабильность, а не фиолетовые облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.